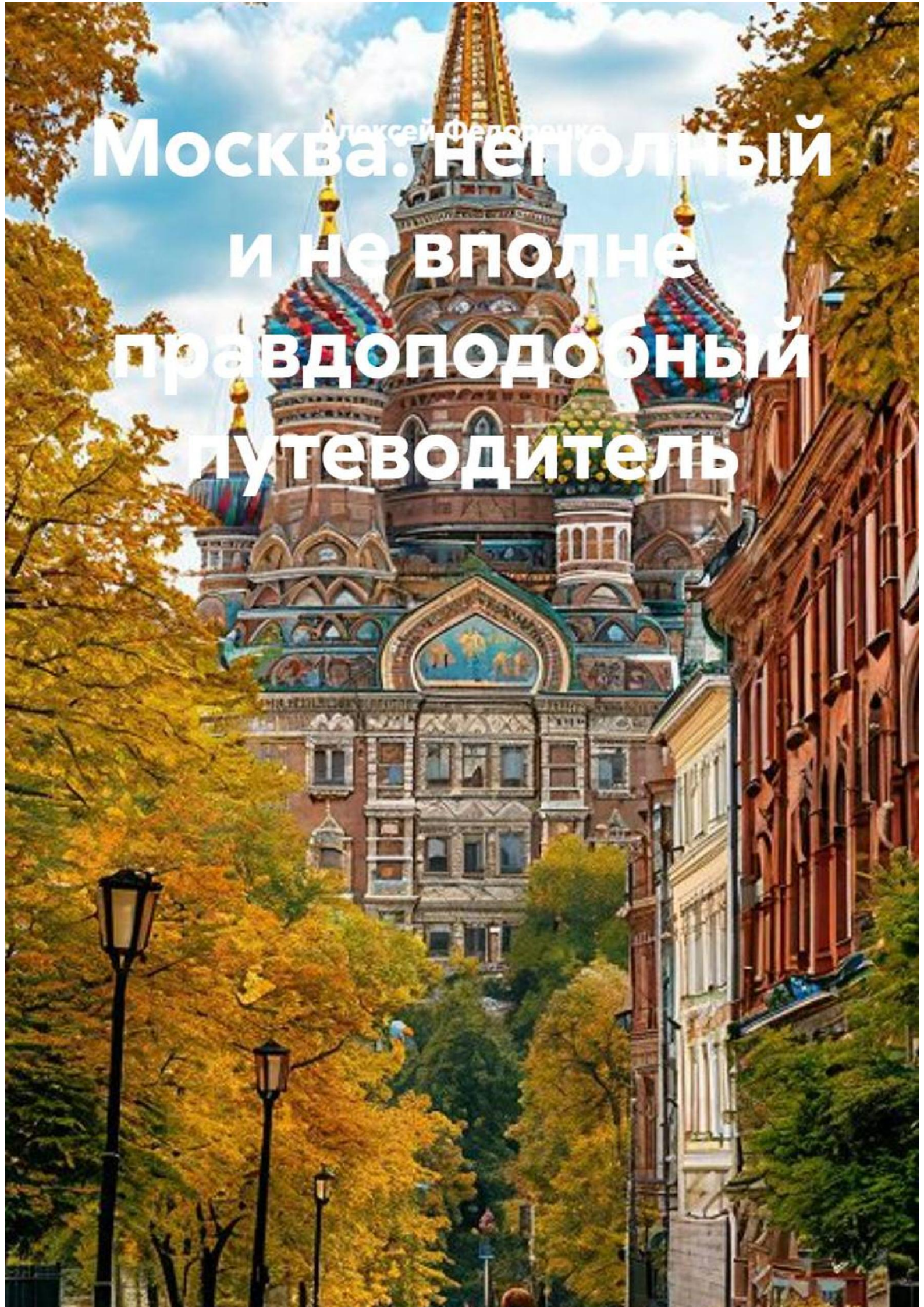

Алексей Федоренко

Москва: Неполный и не вполне правдоподобный путеводитель

Алексей Федоренко

**Москва: неполный и не вполне
правдоподобный путеводитель**

«Автор»

2026

Федоренко А. А.

Москва: неполный и не вполне правдоподобный путеводитель /
А. А. Федоренко — «Автор», 2026

Москва - город, который не перестает удивлять даже тех, кто живет в нем давно. Что уж говорить о ребенке, который впервые увидел огромную столицу, приехав из относительно небольшого Томска! Она сразу поразила же воображение и продолжает поражать до сих пор, стоит лишь свернуть с проторенных дорожек и начать новое приключение. Перед вами путеводитель по городу, где вымысел смешался с реальностью, воспоминания - с фантазиями, сны - с явью. Давно переросшая свое название, Белокаменная запечатлена здесь такой, какой автор видел ее на протяжении разных лет: исполинской и малоэтажной, уютной и пустой, утопающей в зелени и механической, шумной и тихой, старинной и футуристической. В процессе чтения вы сможете с легкостью дополнить мозаику образов города сами, ибо облик Москвы поистине безграничен.

© Федоренко А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Часть первая. Раннее и позднее	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Алексей Федоренко

Москва: неполный и не вполне правдоподобный путеводитель

Предисловие

Перед вами необычный путеводитель. В сущности, он лишен многих качеств, по умолчанию присущих любому справочнику по незнакомой местности: маршруты прерывисты, указатели и обозначения нерегулярны, нет ни ясной логики, ни даже единого стиля. На последнее обстоятельство мне, в частности, указала одна из первых читательниц этого текста, однако ответить ей, увы, нечем, поскольку мозаичная структура повествования была, кажется, неизбежна с самого начала.

Так чему же посвящен столь неполный путеводитель? В первую очередь, Москве – городу, в который легко влюбиться и которому можно вновь и вновь удивляться на протяжении многих лет. Эта его особенность порождена совершенно необъятными размерами, где провинциальный купеческий район соседствует с петербургской (или европейской) набережной, а та – с монументальной застройкой советского времени. Такого рода сочетания встречаются чуть ли не на каждом шагу, и некоторые из них вы встретите по ходу книги, однако магия мегаполиса глубже одного лишь контраста.

Москва – это город возможностей в том смысле, что ее неоднородные части отвечают самым разным запросам и потребностям души. Широко раскинувшиеся Крылатские холмы, футуристичный лабиринт Сити, коттеджи Серебряного бора, где воздух пропитан сосновым запахом, почти загородные просеки Измайловского лесопарка, уютное малоэтажное Замоскворечье, тихие переулки старого Арбата, широкие проспекты и панорамы Воробьевых гор – все это один город, но вместе с тем созвездие автономных миров, существующих как бы в разных измерениях. Кроме того, размеры каждого района таковы, что соседние, отличающиеся ландшафтом, застройкой, а то и эпохой территории невозможно не только увидеть – даже осознать их физическое присутствие!

Просторы Москвы – это пространства для игр, фантазий, воспоминаний и снов. Собственно говоря, именно из них состоит этот путеводитель – очерков, эскизов и заметок, составленных из образов разных лет. Композиция текста в данном случае ни к чему не обязывает – это лишь дань географическому соседству описываемой местности, не более. Отсюда проистекает и мозаичность, даже некоторая хаотичность во времени, точке зрения и стилистике. Пусть она вас не смущает, ибо каждый фрагмент следует понимать самостоятельно, а затем уже в составе пестрой картины, в которой автор попытался воспроизвести (неточно, неполно и не всегда правдоподобно) образ любимого города. Воспроизвести не через факты и истории, а через призму сначала детского, а позже и более взрослого восприятия. Надеюсь, не слишком уныло.

Приятного прочтения!

Часть первая. Раннее и позднее

Ощущения раннего утра глухой зимой. Желание уснуть и вместе с тем осознание надвигающегося учебного дня и всей той ответственности, которую окружающий мир возлагает на одни-единственные плечи. Неминуемое и нежеланное приближение уроков. Но до них пока далеко, и взгляд скользит по еще ночному пейзажу улиц. Среди темного спящего города – видение, мираж засыпанного снегом парка – нет, леса. Призрачный белый свет фонарей, со временем замененных на бытовые желтые. А тогда – холодная зимняя сказка, невесомое привидение, заманчивое и одновременно меланхоличное сияние, перемигивающееся сквозь деревья. Подсознательно тянет к ним, к этому бестелесному свечению, в глубину леса, расходящегося лучами во все стороны. Только утром буднего дня, темным зимним утром, когда машина проезжает сквозь парк в сторону школы – только тогда он ощущается волшебным. В другое время, в другом душевном состоянии этот флер становится вполнине слабее, а приближение к заветным фонарям, освещающим дорожки, не удовлетворяет. Лес по-прежнему загадочен и притягателен, но не так, когда спешишь мимо него и знаешь, что он останется здесь, непотревоженный, хранящий свои тайны, а ребенок будет в школе и среди этой рутины отгонит от себя сладостное возбуждение образа. Лишь бы его не забыть

Средняя школа

Московские школы бывают двух типов: пятиэтажные, черпающие вдохновение в греческой архитектуре, с портиками и полуколоннами, а также двухэтажные, плоские, с несколькими протяженными корпусами. Первые часто втиснуты в плотную городскую застройку, вторые владеют большими участками территории со спортивными площадками и подобиями парковых аллей.

Школа в Козихинском переулке относится к первому типу и одновременно не похожа ни на одну другую. Ее пять корпусов – творения разных эпох: говорят, что старейший датируется началом прошлого века, а новейший напоминает здания институтов из 80-х. Эта эклектика не перестает удивлять даже спустя много лет: где еще можно встретить вместительный бассейн с окнами-иллюминаторами, соседствующий с крошечными комнатками, доверху набитыми компьютерами и серверным оборудованием?

Столь разные корпуса соединяются хитроумной системой коридоров, переходов и лестниц, из-за чего любой вновь прибывший легко теряется и не может найти дорогу без проводника. Размеры лабиринта таковы, что даже старожилы из числа учеников не имеют представления обо всех помещениях собственной школы. Ходили слухи о закрытой сауне, рассказывали о тире, но кто их видел своими глазами? Больше всего воображение волновали подвалы: доступ туда был ограничен, а шанс попасть – хотя бы на несколько минут – невелик. Но именно там случались главные открытия: вентиляционные шахты, заброшенные душевые (та самая сауна?), старый лазерный тир, якобы переехавший в другое место. Покров тайны слегка приподнимался и только разжигал фантазию.

Наконец-то удалось пробраться на задворки, туда, где расположены сплошь хозяйственные помещения. Темная пыльная лестница в дальнем углу лабораторного корпуса привела на первый этаж, где за дверью начинался внутренний двор. День выдался темным, зимним, и редкие фонари были неспособны рассеять тени, скапливающиеся на закопченных стенах. Через улицу удалось попасть в следующий «колодец», отделенный от первого длинным двухэтажным переходом между корпусами. За углом – дверь в самую малоизученную часть школы – трехэтажное здание на отшибе, занятое столовой. Ученики не ходят на первый этаж, и было удивлением найти там целый гараж, если не ангар. Потолки раздались вверх; единственная лампочка накаливания качалась на свисающем из темноты проводе, освещая пятачок в середине просторного помещения, используемого для складирования всяческого металла и инструментов.

Далее путь лежал в проезд за школой, заваленный снегом. Где-то там стояла машина, превратившаяся в большой сугроб. Ее удалось найти и даже залезть внутрь, откопав дверцы. Это поразительное ощущение – быть одновременно внутри теплого салона автомобиля и холодного сугроба; скрытым от чужих глаз, в тесной уютной атмосфере – этаким мирке для своих.

Тверская улица

Дома, выходящие на Тверскую, кажутся заброшенными античными памятниками. Эти древние сооружения из серо-желтого пыльного камня с колоннадами, обрамляющими огромные пустые балконы, выглядят так, будто их возвели здесь в незапамятные времена. С тех пор они стоят здесь, давно покинутые хозяевами, как римские виллы и полуразрушенные амфитеатры. Это впечатление еще сильнее в ясный день, когда солнце слепит глаза и буквально выжигает старые стены.

За первым рядом домов, в глубине переулков, многоэтажная застройка сменяется пригородом с деревенскими домиками и коттеджами. Тени в послеполуденный час особенно густые и четко очерченные, но не спасающие от зноя; над дачами повисает особая, ленивая, тишина. Вдалеке, у линии горизонта, начинаются поля, испещренные на лоскуты отдельных участков. Душа наслаждается бескрайним простором, но расположение дорог в этой блаженной сельской местности чудесным образом повторяет переплетение переулков южнее Патриарших прудов: вот Спиридоновка, вот Большой Палашевский. Те же, но совсем другие.

Патриаршие пруды

Обаяние Патриарших прудов кроется в том простом факте, что это единственный парк внутри тесной застройки района. Да и сам он зажат со всех сторон монументальными, хотя и не лишенными изящества домами. Для любителя долгих пеших прогулок пруд начисто лишен привлекательности: один круг по грязной гравийной дорожке ничего не дает алчущему уму. Но дети видят этот клочок земли иначе: для них он неизмеримо шире и богаче. В этой простоте аллеи создается грандиозный сюжет с огромным стеклянным монстром. Издалека он похож на люстру, свернутую в спираль. Ничем не закрепленный сверху, он свисает с крыши самого высокого дома и, если только обратит на вас внимание, цепляясь за штукатурку и выступы, сползет вниз. При этом он будет звенеть многочисленными стеклянными частями, как задетая новогодняя елка – шариками. Стеклянный монстр возвышается над местностью и поражает размерами, но действует лишь в пределах парка, не выходя за его границы.

Трехгорная

Стоит отыскать проход между большими домами по Красной Пресне, как глазам предстанет забытый москвичами район на вершине холма, круто спускающегося к реке и оживленным набережным. Отсюда ее не видно, как не слышно и шум города, из-за чего невозможно понять, что это по-прежнему центр, сердце мегаполиса. Об этом напоминают лишь особняки да старые церкви, встречающиеся среди жилых домов, зданий институтов и больницы.

Тишина днем и уютный, а где-то слегка пугающий полумрак вечером сопровождают путника на всем пути по переулкам, кажущимся почти что домашними. Иногда они превращаются в простые тропинки – проезды между соседними участками, где известна каждая травинка, каждая неровность. Однако уже за второй улицей жилья становится меньше: его островки перемежаются с безвестной застройкой, а еще дальше, по бровке холма, тянутся гаражи и автосервисы. Осенью это место, несомненно, романтично – раздолье для вечерних прогулок вдвоем, среди тусклых фонарей и зарослей кустов. Узкие тропинки выются змейкой и ведут во все новые и новые дворики и закутки, где не ходит никто, кроме редких жильцов.

В глубине кварталов спрятаны свои сокровища. Есть, к примеру, крошечный сквер, названный в честь промышленников-меценатов; его разветвляющиеся дорожки плавно переходят в задники соседних зданий и парковку, так что войти в сквер можно одним путем, а выйти – как минимум двумя. Где-то на крутом склоне раньше одиноко торчала старая голубятня – населяют ли ее до сих пор птицы или там выросла новая постройка, как это часто

бывает в тех местах, куда давно не заходили? Путнику может повезти найти маленькое кафе, и, пожалуй, это будет достойная награда, ведь немногие забираются в маленький район, существующий только для местных жителей.

Тверской бульвар

Устройство бульваров всегда восхищало. В центре проезжей части, между потоков машин – вдруг променада! Иногда это всего лишь одна, но оттого очень ценимая дорожка, порой – широкая лужайка, а некоторые имеют собственные детские площадки, фонтаны и даже пруды. Разве это не чудо?

Тверской бульвар сияет тысячами огней – это волшебство случается зимой, но и поздней осенью уместно и очаровательно. Огоньки, как листья, образуют кроны деревьев, а они – целый лес. Эта магия переходит на светящийся гирляндами стеклянный павильон в центре бульвара, поразительно напоминающий тот, что стоит на Чистых прудах. Дома по обеим сторонам дороги вторят блистательной иллюминации бульвара, так что путешественник оказывается в сказочном лесу, наполненном тысячами волшебных существ, то ли фей, то ли сверчков. А может, это точки звезд как те, из которых сотканы рукава Млечного пути?

Сам бульвар настолько широкий, что проезжая часть не просматривается за мириадами огней. И все же разум постоянно напоминает о том, что все это находится посреди дороги! Здесь, где должна быть всего лишь узкая разделительная полоса. Это невозможно, не так ли?

За Тверским бульваром

За бульваром, еще ближе к центру, начинается совсем другая местность – ее застройка похожа на дождливый центр Петербурга осенним вечером. Безлюдная ухабистая мостовая из крупных необработанных булыжников. Уличные фонари освещают путь ярко-рыжим светом; часть из них подвешена на проводах, натянутых посреди проезда, другая установлена на столбах, выкованных в виде растительных лоз с тонкими листьями. В воздухе отчетливо пахнет сыростью и викторианской эпохой – временем котелков, зонтов и калош. Небо темнеет, и стены домов приобретают густой серый и лиловый оттенок. По одной из боковых улиц можно попасть на широкую прямоугольную площадь, развернувшуюся среди компактной застройки центра. Оттуда в стороны расходятся несколько переулков, а в сердце города ведет прямая широкая, в несколько домов, улица. В голове постоянно вертится название – Большая Конюшенная.

Знаменка

Странная эта улица, короткая, крутая и резко обрывающаяся. Как будто лишняя в плане центра с его радиальными магистралями. Говорят, ее современный отрезок – часть древней дороги, но сегодня это скоростной проезд без какой-либо иной, кроме утилитарной, цели. Путь к ней лежит через переулки Никитской и Воздвиженки, пока человек не упирается в широкую проезжую часть, которую, несмотря на ее размеры, окружают отвесные скалы домов, сливающихся в одно сплошное здание. Земляной цвет и выступающие квадратные пилястры делают его неброский фасад тяжелым, а сам он настолько протяжен, что кажется, будто за ним кончается мир. Земля обрывается, а за ней, как в старых компьютерных играх, голубеет небо, заполняющее собой и низ, и верх, и горизонт – все. Дом, несмотря на внешнюю грузность, на самом деле плоский и иллюзорный. В нем есть подъезды, двери и окна, ютятся офисы маленьких контор, но это лишь фасад, поверхность, а за тонким слоем скрывается пугающая и одновременно притягательная своим безграничным простором пустота. Отсутствие земного притяжения манит.

Хамовники

Хамовники представляются обособленной частью Москвы, богатым пригородом в самом сердце города. Его границу обозначает излом широкой магистрали Садового кольца – это Смоленская площадь, открытая всем ветрам, рассекаемая транспортом и перетянутая троллейбусными и прочими проводами, залитая дневным солнцем. На ее остром углу, в выемке перелома,

возвышается монументальный павильон одноименной станции метро. Его двери смотрят на площадь, а напротив вглубь Хамовников стрелой уходит главная улица.

Этот район похож на центральные острова Санкт-Петербурга, открыточные виды Венеции и летний пейзаж Водоотводного канала севернее Павелецкой. Прямое русло, по-видимому, искусственного происхождения, пересекает район с северо-востока на юго-запад, деля его надвое. Над водой перекинuty плоские мостки, никак не стесняющие отсутствующее движение речного транспорта. Их перила покоятся на столбиках-кувшинах, гармонично перекликающихся с домами-виллами по берегам канала. Их южная стилистика подобна жилым домам в Риме, а оранжевые краски закатного солнца, в которые окрашиваются гладкие кремовые стены, усиливают эффект бесконечного лета.

Эти домики-параллелепипеды с плавными закруглениями по углам стоят на одинаковом, точно подобранном расстоянии друг от друга и тянутся вдоль канала, насколько хватает глаз. За ними видны ряды точно таких же строений, идущие параллельно первым. Вид сверху представляет собой бесконечную прямоугольную сетку улиц с ячейками-кирпичиками, но в формах домов, красках заката, отражающихся в их гладких сверкающих окнах, безлюдности, характерной для парадных залов дворцов и заброшенных античных зданий на Тверской, в самом ощущении строгой симметрии, царящей вокруг и включившей послушные воды канала, чувствуются изысканность и непоказная роскошь классического периода.

Переулки Арбата

Могучее Садовое кольцо безжалостно разделяет районы, обособляя их и превращая в замкнутые миры, живущие по своим собственным правилам; ему вторят крупные магистрали и скромное, как женский поэтический образ, Бульварное кольцо. Таким осколком стал и Арбат – не тот, что привлекает туристов, не променады вдоль нескончаемых витрин, а тот, что лежит южнее. Главная артерия этого Арбата – Сивцев Вражек, полнокровный по меркам соседей переулок, с иллюминацией светофоров, как и крупный Гагаринский. Быть может, эти светофоры нужны вовсе не для контроля движения (да и разве оживленное оно тут?) – подобно уличным фонарям, они приманивают прохожих – ночных мотыльков, запутавшихся в лабиринтах домов и ищущих очаги жизни, энергетические символы бьющегося сердца мегаполиса в старинном, как будто погруженном в дремоту районе.

Странное, удивительное, таинственное место. Здесь есть церковь, с четырех сторон окруженная дорогами; была ли на этом месте когда-то площадь, где собирался тугой узел переулков? Здесь есть античный дворец, скрытый от посторонних глаз и, хотя современный, но прелестный, как на картине с римским сюжетом. Здесь есть магазины и кафе, но их так мало, что поневоле удивляешься, где местные жители делают покупки. Это сложный ребус для тех, кто прибывает сюда из других частей Москвы, возможно, даже для жителей соседних районов.

В коротком переулке с чуть леденящим названием – парадная дверь красного цвета. Вспоминается фильм «Астрал». В торце проезда, на уровне второго-третьего этажа, из стен выдаются лепные изображения людей. Архитектурные украшения столетней давности и современные подражания повсюду накладываются, переходят друг в друга и сливаются в единый причудливый ансамбль. Пустой переулок, совершенно ненужный для движения людей и машин, усложняет и без того запутанный узор района, но как же приятно отыскать его начало и конец, связать их в памяти с другими дорогами и предугадывать повороты во второй раз.

Новый Арбат

Зачарованная улица. Ощутимое противоречие с собственным окружением, из чего рождается особая магия. Охватить ее одним взглядом можно из единственной точки – своего рода полюса грандиозного проекта по реконструкции столицы. На пересечении с Бульварным кольцом, которое ныряет здесь под землю, необходимо перейти через светофор по северной стороне, и, встав возле кромки дороги, обратить свой взор через весь променад к Садовому кольцу

и дальше, к Сити. Если все сделать правильно, в любое время года и суток проявится волшебство Нового Арбата – улицы, способной сокращать расстояния, подобно «кротовой норе».

Бетонные стены улицы формируют коробку, туннель с единственным верным направлением взгляда, задаваемым длинной гирляндой неоновых вывесок и ярких витрин. Внимание сужается, заостряется и фокусируется на этой череде зрительных впечатлений, но стоит отвернуть голову, поднять ее вверх и вбок, как иллюзия дает брешь. На свободном участке неба, лиловом после заката, вдруг проступают старые жилые дома, выделяющиеся крошечным силуэтом на его фоне. Они одиноки, как острова в океане: торговые галереи приземисты, а бетонные здания-книжки, размыкающиеся в этом месте, громадны, словно горные утесы. В боковой стене дома, чернилами растворяющейся в вечернем небе, светится окошко. Его слабый огонек несет тепло и уют среди безжизненных скал и безбрежности ночи. Что бы мы делали без этого маяка – символа прошлого Москвы, прибежища среди каменной пустыни Нового Арбата и, выше, необъятных просторов космоса?

Плющиха

В дальнем углу могучей Смоленской площади, похожей на неиспользуемые парадные ворота, неприметно начинается улица. Из всех артерий московского центра она самая тихая, что, впрочем, объясняется ее расположением: Плющиха лежит в пределах одного района и служит средоточием его жизни, замкнутой и неторопливой. Большая ее часть – уютный проезд местного значения, с зеленой аллеей и дублером, играющим роль подъезда к домам. Даже от самого ее названия веет чем-то растительным и размеренным, как от деревьев, покачивающих листвою на слабом ветерке.

Особенно красива центральная часть улицы: небольшие цветные домики пригнаны друг к другу, как кирпичики, и имеют сказочный вид. Такой по фотографиям нам представляется Голландия или Дания. Через пару-тройку домов за ними – уже склон Москвы-реки; Плющиха вполне могла стать набережной, если бы лежала чуть в стороне от нынешнего местоположения. Однако так ей идет даже больше: нет ни оживленного движения, ни толп гуляющих. Здесь Хамовники предстают медлительным, будто впадшим в спячку, районом – не таким ли видится в воображении центр старого города, отсчитывающего время веками?

При всем при этом Плющиха вмещает в себя районный центр с магазинами и парой кафе, среди которых, пожалуй, выделяется одно. Это милый рыбный ресторан с видом на аккуратную белую церковь и маячащий вдалеке Сити. В теплую безоблачную погоду это приятнейшая картина, дополненная легкой летней музыкой и всевозможными яствами. В такие моменты особенно радостно находить себя вдали от суеты, которая никогда не добирается до уединенной Плющихи. Идиллия и только!

Смоленский спуск

За узким истоком Плющихи, от вершины размашистого треугольника Смоленской площади, начинается короткий, но полноводный спуск к настоящей реке. Вероятно, это часть древней дороги к броду, а теперь короткий параллельный Новому Арбату проезд.

Он словно не предназначен для людей: поток машин водопадом скатывается к вокзалу или, наоборот, с трудом взбирается вверх, к зданию МИД. Нет там ни продуктовых магазинов, ни кафе – за исключением кофейни на самом углу набережной. Впрочем, любопытство гуляющего будет сполна удовлетворено другими витринами – отчего-то на этом спуске сосредоточились мебельные и магазины декора, похожие друг на друга, как близнецы. Эти марки не на слуху, да и в набитых всевозможными креслами и люстрами залах никогда не увидишь покупателей, однако есть в этом нетронутом, словно морская гладь, интерьере некая элегантность и роскошь. Быть может, их нужно созерцать сами по себе, не отвлекаясь ни на что другое. А может быть, они привлекают именно в силу окружения – безлюдного, такого несовместимого с духом торговли.

К северу виден еще один мост – на этот раз для поездов метро. Самый старый в Москве и самый красивый, он привлекает внимание изящной дугой, вдоль которого струится то реклама, то поздравление, то изображение поезда. Неправдоподобно смотрится появление настоящего поезда на арке моста – где это видано, чтобы вагоны метро двигались на фоне домов, а тем более парили в воздухе!

Концы моста замаскированы так хитроумно, что вблизи неотличимы от соседней застройки. Можно лишь удивиться многочисленным изгибам прилегающих переулков, но не догадаться, что буквально за стенкой ходят (и бесшумно же!) поезда. Зато их движение можно ощутить собственными ногами: за Смоленским пассажем, возле одноименной станции, есть маленькая асфальтовая площадка. Неглубоко под ней проходят пути, и, постояв пару минут, можно почувствовать вибрацию от идущего состава. Встречается ли еще где-то в Москве такое явление, неизвестно.

Ростовская набережная

Осенний блюз в честь романтиков, одиноких или разделивших легкую мечтательную меланхолию с родственной душой. Желоба проездов, скромные скверики и склоны начинаются буквально за поворотом Плющихи. Ветви бесчисленных переулков переходят во дворы, а из них, пройдя под высокими арками, можно попасть на величественный берег Москвы-реки. Это подлинное украшение района, бриллиант в его короне – длинная набережная, откуда открываются изумительные виды на мегаполис. Летом это пейзаж, чьи просторы надолго овладевают вниманием подобно бескрайним полям; осенью – приют для тех, кто проникается печальной красотой природы, воспетой Японией.

Город оказывается далеко внизу, за рекой, и тянется до самого горизонта (и дальше). Это крыша Москвы, где суета преодолена, и все, от зданий до людей, стремится к спокойному, неподвижному эфиру. Действительно ли там, в выси, в разреженном воздухе, царит вечная никем не нарушаемая тишина, и лишь слабый порыв ветерка может на мгновение отвлечь от созерцания всеобъемлющего небосвода? Если так, то в вершине набережной, среди разбитого на ней пар

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.